

БАЛЕТОВЕДЕНИЕ ИЛИ ДАНСОЛОГИЯ? ВРЕМЯ ТОРОПИТ ОТВЕТ

Чепалов А.И.

*доктор искусствоведения, профессор Харьковской академии культуры,
главный редактор журнала «Танец в Украине и мире» (Украина, г. Харьков)*

Три десятилетия назад у критиков и теоретиков танца на просторах бывшего СССР было гораздо меньше проблем для обсуждения. С тех пор в космополитичном мире танца произошли глобальные сдвиги. Исчерпанность приемов модерна (а теперь уже и постмодерной стилистики) заставила многих когда-то авангардных балетмейстеров взять тайм аут. Что-то похожее происходит и в отечественном балетном репертуаре. Натанцевавшись Баланчина, Форсайта и Туайлы Тарп, ведущие театры постсоветского пространства возвращаются назад, к привычной сюжетности хореодрамы, к образцам эпохи соцреализма. Если прибавить сюда ставшую модной реставрацию балетов XIX века и плохо мотивированные постановки из наследия Р. Пети и Дж. Ноймайера, картина становится еще более запутанной: «Камо грядеши?».

Наука о танце сейчас пребывает в таком же неопределенном состоянии. Явления в мире танца описывают кто как может, часто отвергая непонятное и возводя в ранг достижений то, что давно уже открыто. Могло ли быть иначе в стране, которая 100 лет назад импортировала все креативные идеи развития современного танца? Домой же они возвращались гораздо позднее и под авторством других хореографов. Своих творческих гениев, подобно К. Голейзовскому Л. Якобсону или Ф. Лопухову, в советской стране заставляли следовать не художественным, а идеологическим правилам. Практически уничтожили танцевальный фольклор, превратив народный танец в «способ ликования», а также иллюстрацию сбора урожая и посевных кампаний. Балет обратили в пьесу с пантомимой и танцами, оправданными сюжетом. И так было больше половины столетия.

О танце модерн у нас узнали уже тогда, когда постмодернисты отвергли эту устоявшуюся систему и предложили нечто новое. Бессюжетный танец Баланчина вызвал на гастролях в СССР эстетический шок, смешанный с инерцией отторжения. Но процесс все же пошел.

Современный танец в России и постсоветских республиках после долгого периода бесплодия зачинался методом искусственного оплодотворения. Экспериментаторскую «пробирку» долгое время хранили в холодном и недоступном месте. Работы по осмыслению и изучению танца были прерваны идеологическими органами так же, как и «формалистические» новации в самом танце. В хореографической терминологии устарели не только ответы, но и вопросы. Практики танца придумали для себя слово «контемпорари», которым обозначают все, что заблагорассудится. Между тем стоит различать столетней давности модерн и постмодерный танец, которому без малого полвека (в свое время его в зарубежной дансологии как раз и нарекли «контемпорари», то есть не просто современный, а как бы

рожденный сегодня, актуальный). Если придерживаться такой терминологии (устоявшейся в западном мире), то новый танец, который сочиняют в начале XXI века, надо называть как-то по другому. Ведь хронологически это уже пост-постмодерн. Также часто происходит подмена понятия современного танца зрелищем развлекательным, сопутствующим шоу-бизнесу.

Если говорить о танце только как о жанре искусства, как это принято в балетоведении, то большая часть его современных качеств останется не распознанной. Слишком сложна его структура, слишком велик шлейф культурных ассоциаций. Другими словами, рассматривать танец как явление культуры. Мысль не новая, но многие ли исследователи и практики танца к ней уже пришли? Среди пионеров подобных исследований назову В.В. Ромма из Новосибирска, который начинал с того, что всматривался в артефакты – наскальные изображения.

Обращаться к первичным проявлениям танца, на самом деле, задача очень перспективная для дансологии. Как создать теорию танца, не зная, откуда он появился? В период воинствующего атеизма (когда и были изданы все популярные книги по балету и энциклопедия танца) о его ритуальном происхождении можно было прочитать только между строк. Важен и аспект танца как способа коммуникации. Библейский постулат «Вначале было слово» в наши дни легко может быть оспорен. Оживившийся в последнее время интерес к языку тела (на эту тему каждый год выпускают десятки книг) мало затронул современных хореографов. Они по-прежнему копируют жесты и позы, которые десятки и даже сотни лет назад уже придумали сочинители танца и мастера балета. В то же время история культуры накопила намного более обширный кинетический опыт, пока не вошедший в видимый спектр хореографии.

Современный дансолог представляется мне сегодня мистером Хиггинсом из «Пигмалиона» Б. Шоу, который мог не только определить, откуда родом Элиза Дулитл, но и все окружающие его жители Лондона. Кстати, именно в лондонском Институте Лабана сотрудники предлагают методы расшифровки постмодерного танца на основе анализа знаковых систем. Конечно, можно вспомнить, что и в России усилиями энтузиастов современный танец изучают и пропагандируют в Екатеринбурге, а наследие Баланчина в Перми. Что есть серьезные исследователи танца в Грузии, Армении и на родине С. Лифаря Украине (курс хореологии, о которой мечтал этот рыцарь танца, включен в программу обучения магистров Харьковской академии культуры). Однако создание цельной теории танца, подобной тем, которые уже освоили музыковеды, искусствоведы или теоретики кино, пока остается делом будущего. Ведь работать над ней должны не просто энтузиасты, а сообщество ученых и практиков, за которым стоит забота государства о развитии культуры современного танца.